

ТЕМА ОХОТЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

Ляпина А.В., Черенкова В.В.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Омск-77, пр. Мира 55-а, e-mail: a.v.liapina@mail.ru

Изучение темы охоты, представленной в эпистолярном наследии И.С. Тургенева, дает возможность расширить представление об одном из базовых компонентов национальной ментальности и важной составляющей дворянского усадебного быта. Делается вывод о том, что в письмах Тургенева тема охоты формирует семантический ряд с положительным оценочным значением: восторг – богатство жизненных впечатлений – усадебный быт – приобщение к круговороту, постоянно совершающемуся в мироздании – творчество – жизнь, что свидетельствует о высокой степени ее витальности. В частной переписке И.С. Тургенева охота ассоциируется с русским усадебным пространством, участвует с полемичных для русского общества середины 19 века вопросах взаимодействия России и Запада. Подчеркивается ценность русской жизни, природы.

Ключевые слова: эпистолярный, охота, усадьба, И.С. Тургенев.

HANTING THEME IN EPISTOLARY DISCOURSE OF I.S. TURGENEV

Lyapina A.V., Cherenkova V.V.

Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy Associate Professor of department russian and foreign literature, Omsk – 77, Mira street 55-a; e-mail: a.v.liapina@mail.ru

Studying hunting theme in epistolary heritage of I.S. Turgenev expands the notion of one of basic mentality components and important constituent of noble house. The author concludes that hunting theme forms such a semantic chain in letters of Turgenev as delight – abundance of impressions – house – getting used to circulation, which is typical for art – life scheme. All this shows high vitality of hunting theme. In private correspondence I.S. Turgenev hunting associated with the Russian country estate space, participates in polemical Russian society of the mid-19th century, the dialogue between Russia and the West. Emphasizes the value of Russian life, nature.

Keywords: hunt, Turgenev, letters, house.

Изучение различных компонентов национальной ментальности и аспектов повседневных занятий человека, формирующих концептосферу русской художественной картины мира, является одним из актуальных направлений современной филологии, культурологии, философии.

Феномен охоты, имеющий непосредственное отношение к глубинным слоям национальной жизни, связанный с дворянско-усадебной и деревенской моделью поведения, долгое время оставался на периферии литературоведческой мысли. Современные ученые (М.М. Одесская, В.А. Кошелев, Ю.В. Лебедев, Э.М. Жиликова, А.Ю. Большакова, Л.Н. Полубояринова и др.), осознавая важность проблемы, исследуют философскую и эстетическую составляющую национального феномена охоты, тематические, нарратологические, глубинно-психологические его аспекты, по преимуществу на материале произведений И.С. Тургенева, А.А. Фета, С.Т. Аксакова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина и др. [1,2,4,5,6,8].

Всесторонне представленная в эпистолярном наследии И.С. Тургенева (здесь и открытое письмо в редакцию журнала «Современник» с рецензией на книгу С.Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и частная переписка), тема охоты не

становилась предметом специального изучения. Тем не менее обращение к кругу увлечений писателя, репрезентирующих связи между реалиями частной жизни и сферой его литературных занятий, расширяет наше представление как о биографии, так и о культурно-исторических, философских доминантах определенной эпохи.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, впервые опубликованном в 1863 году, в соответствии с жанровой природой книги, понятие *охота* представлено целостно, последовательно, с учетом значимости для культуры этноса:

- 1) состоянье человека, который что-либо хочет; хотенье, желанье, склонность или стремление, своя воля, добрая воля;
- 2) страсть, слепая любовь к занятию, забаве;
- 3) ловля, травля и стрельба диких животных, как промысел и как забава [9].

Выделенные компоненты указывают на связь человека как с иррациональным, архетипическим, так и с культурным наследием истории: «страсть», «веселье», «удовольствие», «желание», «стремление», «поиск», «промысел».

И.С. Тургенев, не разрушая традиционной основы, обогащает знания об охоте, зафиксированные в лексикографических источниках.

В частной переписке автора охота становится органической частью усадебного локуса, усадебной модели поведения, литературного быта современной ему эпохи, находящегося в диалоге с пушкинской традицией «покоя» и «воли», «трудо» и «вдохновенья». Сельское уединение возвращало на время утраченный интерес к простой и неторопливой жизни. Охота, конечно, скрашивала однообразное течение дней, особым образом организовывала время и пространство, но что особенно важно, приобщала к миру природы, способствовала духовному его освоению, становилась источником вдохновения.

Общеизвестно, что охота была страстью И.С. Тургенева с детства. Родной дед писателя, П.И. Лутовинов, как и его брат И.И. Лутовинов, увлекался псовой охотой, хорошо разбирался в породах охотничьих собак и был тонким ценителем охотничьих ружей французских мастеров.

В охотах принимала активное участие наравне с мужчинами и мать писателя, Варвара Петровна Лутовинова. В одном из писем она сообщает сыну: «Вчера я поехала навстречу к дяде <...> встретила его на плотине с охотою. Он ничего не завтракал, и мы поехали с ним в Спасскую долину. Пустили гончих, которые зайца гоняли около моей коляски, а борзые лишь бросятся к нему, он в лес, и борзых воротят назад. Я была этим довольна. Что за удовольствие, чтобы в глазах моих несчастного беляка мучили» [11].

Крепостные егеря рассказывали мальчику о привычках и нравах бекасов, перепелов и другой пернатой дичи, отмечали особенности птиц той или иной породы, сообщали какие-либо интересные подробности охотничьей жизни, случаи из практики.

Сам писатель не упускал возможности поохотиться. В детские годы первым учителем Тургенева в охотничьем действе являлся А.И. Купершmidt, который служил музыкантом в Московском Императорском театре и одновременно занимал должность распорядителя зимних и летних охот в Московском обществе охоты. Еще одним наставником писатель называет своего дворового человека Афанасия Алифанова, ставшего, по мнению исследователей, прототипом Ермолая из цикла «Записки охотника» [11]. С 1837 года и на протяжении многих лет Афанасий Тимофеевич сопровождал своего барина в охотничьих странствиях по родному краю. К. Мурье в своих воспоминаниях охарактеризовал его следующим образом: «Это тип, который в России больше не существует: настоящий охотник в полном смысле этого слова, целиком отдавший себя охоте, влюблённый в свою профессию, подлинный знаток этого дела, что не мешало ему быть человеком доброго сердца» [11].

Мысль об охоте не оставляет И.С. Тургенева даже тогда, когда он, находясь вдали от дома, делится со своими собеседниками впечатлениями об итальянских видах или театральных постановках, о литературных переводах или рассказывает о творческих замыслах. В письмах корреспондентам, таким же страстным охотникам (А.А. Фету, С.Т. и И.С. Аксаковым, Н.А. Некрасову, Н.Н. Толстому), он информирует их о проведенной охоте, сообщает о покупке новых ружей и о количестве пройденных верст, описывает поведение собаки во время охоты и др., но вставляет короткие «охотничьи реплики» в уже начатый ранее разговор, прерывает его, словно боясь что-то упустить важное. Например, уже прощаясь с С.Т. Аксаковым и желая ему здоровья, Иван Сергеевич вдруг воодушевленно сообщает, уже «под занавес», об охоте своих егерей на зайцев, о живущих в его усадьбе куропатках и о намерениях приобрести еще куропаток «на развод» [7, с. 308]. Он часто начинает письмо с охотничьей тематики или завершает его репликами об охоте. Конечно, тема охоты не только создавала атмосферу доверительности и теплоты, подчеркивала общность интересов собеседников, но и объясняла отношение автора к предмету диалога.

Основной мотив писем И.С. Тургенева из-за границы (конец 1850-х – начало 1860-х гг.) своему соседу по имению А.А. Фету – *тоска по родине*. Географическое соседство двух великих литераторов перемещается в аксиологическую сферу, осмысливается в категориях семейственности и духовного родства и становится знаком судьбы: «Недаром судьба поселила нас всех – Вас, Толстого, меня, в таком недалёком расстоянии друг от друга» [7, с. 405]. Собеседников объединяет не только пространственная совместимость («наше общее житие в деревне»), но в первую очередь духовная близость, общность интересов и круга занятий: «Я мечтаю о нашем общем житие в деревне даже здесь, среди величавых развалин, в длинных мраморных залах Ватикана» [7, с. 405]. Русскую деревенскую простоту и естественность не может заменить Тургеневу никакая другая культура, даже римская. В Европе, живя на краю «чужого гнезда», писатель ощущал себя *русским скитальцем*, обреченным на бездомное

существование. Воспоминания о русской охоте обостряют возникшее чувство дома и скрашивают его одиночество. Так мотив охоты эксплицирует оппозицию «Россия – Европа» («свое» и «чужое» пространство). Негативное восприятие Запада находит подтверждение в стилистически маркированной лексике с отрицательным оценочным значением («*противный город*», «*охотился скверно*», «*гнусный парижский воздух*», «*отчаянная тоска*», «*однообразная французская охота*», «*холод, холод*» и т.п.), в инвертировании времен года, когда весна ассоциируется с холодом, а значит не с рождением и расцветом, а с увяданием и смертью («здесь уже листья распустились и деревья зеленеют, но как-то все холодно и не весною смотрит»).

В европейском контексте русская охота, напротив, становится важным компонентом «своего» пространства и формирует сюжет о деревенской благодати, где ощущают «величие малого» и видят красоту «обыкновенного». Для передачи состояния предвкушения блаженства и гармонии автор использует стилистически маркированную лексику с положительным оценочным компонентом («*наши березовые рожи*», «*русская осень*», «*погода, какая бывает в России, разжигает и волнует*», «*отличная коляска*», «*радость*» и т.п.), связанную с представлениями о доме как об укромном пространстве, благословенном месте, выполняющем защитную функцию: «...лучше перенестись мыслию в наши «палестины» – и вообразить себя сидящим с Вами в отличной коляске и едущим на тетеревей – найдем же мы их, наконец...» [7, с. 423]. Разговорная форма мн. числа «палестины» поддерживает доверительную тональность диалога и усиливает эмоциональную составляющую смысла слова: «домашнее, родное место, отечество» [9].

Желание скорейшего возвращения на родину выражается через метафоры *полета и «дома-гнезда*», возникшие на основе внимательного изучения особенностей поведения и вокализации птицы. «Как иногда старые тетерева сходятся вместе, так и мы соберемся у Вас в Степановке – и будем тоже бормотать, как тетерева», – сообщает И.С. Тургенев в письме А. Фету из-за границы [7, с. 420]. Своей радостью писатель делится и с С.Т. Аксаковым: «Но весна придет – и я полечу на родину – где еще жизнь молода и богата надеждами. О, с какой радостью увижу я наши полустепные места» [7, с. 344]. Сам писатель, как и его герои, живет и действует внутри основного семиотического сюжета усадебного метатекста. Это сюжет «исхода» и «возвращения домой». В подобном контексте усадьба приобретает черты «земли обетованной» [12].

Чувство родины в письмах Тургенева из Европы проявляется в обращении к таким важным «теплым» культурам, как «*русская осень*», образ которой лишен поэтических стереотипов, «хлеб», «овин», «дымок», явным приметам мирного крестьянского труда, размеренной усадебной жизни. Ностальгический ряд и в то же время идиллическую картину дополняют другие непоэтические, но очень значимые для автора элементы: ольфакторный

(«запах сермяги») и акустический («стук сапогов старосты»), создающие образ дома. Русский реалистический пейзаж в воображении И.С. Тургенева противопоставлен «холодным» «приглаженным европейским пейзажам» [3, с. 34]. Память писателя хранит и сочные, яркие охотничьи сюжеты: «А взлет вальдшнепа в почти уже голой осинової рощице... Ей-богу, даже досада берет! Здесь я охотился скверно – да и вообще, что за охота во Франции?!» [7, с. 420], воспроизведение которых сопровождается риторическими фигурами, экспрессивно маркированными. Это и психологические паузы, и риторические вопросы и восклицания, и особая охотничья стилистика, когда слово заменяется звукоподражанием, и разговорно-просторечные выражения: «...А сам без нужды бежишь и едва дух переводить...Тубо!...Ну, теперь близко...фррр...ек! ек! бац!..бац!..и подлец бекас, заменивший степенного дупеля, валится, сукин сын, мгновенно, белея брюшком...!» [7, с. 420].

В хронотоп охоты входит и ее технология. В эпистолярном диалоге с Н.А. Некрасовым, С.Т. Аксаковым, А.А. Фетом Тургенев раскрывается как глубокий знаток истории охоты, правил ее организации как в Европе, так и в России. В одном из писем к Полине Виардо он хвалит ружья московского мастера Петра Шишкова, виденные им на выставке мануфактурных изделий в Москве, которые предназначались для состоятельных любителей и стоили весьма дорого – от 200 до 300 рублей. Или, например, в письме С. Т. Аксакову от 1(13) ноября 1856 года из Парижа Иван Сергеевич пишет: «...Я заказал себе великолепнейшее ружье у первого мастера в Лондоне, Ленга, и весной вывезу оттуда двух отличных собак» [7, с. 342].

Письма дают возможность увидеть не только человека высокообразованного, связанного с культурным достижением прошлого и настоящего, но и человека, чье поведение репрезентирует глубинно-эмоциональную, чувственную суть национального феномена охоты. Природно-творческая стихия настолько увлекает человека, что лишает его чувства времени и пространства. В Тургеневе-охотнике, как и в крестьянине, пробуждается «поведенческий архетип» (А.Ю. Большакова), активное мужское начало, инстинктивное, увлекающее в бесконечные дали, за «100, 160 верст от дома» в поисках не столько дичи, сколько в поисках сокровищ природного мира и человеческой души. Так, привычному деревенскому занятию придавался высокий философско-эстетический смысл.

Охотничьи блуждания укрепляли и физическую форму писателя и вообще являлись синонимом здоровья («поездкой доволен – чувствовал себя здоровым») [7, с. 330].

Болезнь, напротив, формирует мотив «невозможности охоты» и маркирует финал жизни, завершение жизненного пути, так как граничит с утратой способности полноценного (полнокровного) восприятия многогранного, многоцветного мира. Последний раз писатель посетил Спасское летом 1881 года. Приковыляв в сад на костылях, Тургенев приказал слуге

принести ружье – спугнуть ворону с дальних деревьев. Прогремел выстрел – и ворона как ни в чем не бывало продолжила свой путь. Иван Сергеевич сел на скамью, потупил голову и грустно сказал: «Прежде я стрелял перепелок без промаха, а теперь не могу попасть даже в ворону! ...Пора умирать». «За несколько недель моей молодости – самой глупой, изломанной, исковерканной, но молодости – отдал бы я не только мою репутацию, но и славу истинного гения, если бы я был им. Чтобы я тогда сделал, спросишь ты? – обращался Тургенев к Полонскому. – А хоть бы десять часов сряду с ружьем пробегал, не останавливаясь, за куропатками. И этого было бы достаточно – и это для меня теперь немислимо» [5, с. 579].

Таким образом, в частной переписке И.С. Тургенева охота, являясь в первую очередь своеобразным идентификатором «своего» пространства, расширяет представления о семантике усадебного текста русской литературы с выраженной эстетической установкой на поэтизацию обыденного, обогащает его мотивный комплекс важным компонентом; участвует в полемичных для русского общества середины XIX века вопросах взаимодействия России и Запада. В охотничьих эпизодах писем И.С. Тургенева подчеркивается ценность русской жизни, ее природы, бытового уклада. Сам процесс охоты для писателя становится эстетически значимым, так как физическое блуждание человека с ружьем на плече в итоге оборачивается духовным странничеством, в ходе которого охотник не только познает смысл и красоту естественной природной жизни, но и в себе открывает память природы, духовный потенциал и поддерживает нравственное и физическое здоровье.

В индивидуально-авторской картине мира охота образует экзистенциальный семантический ряд с положительным оценочным значением: восторг – богатство жизненных впечатлений – усадебный быт – приобщение к круговороту, постоянно совершающемуся в мироздании – творчество– жизнь, что свидетельствует о высокой степени ее витальности.

«Я хочу, чтобы охота, эта забава, которая сближает нас с природой, приучает нас к терпению, а иногда и к хладнокровию перед опасностью, придает телу нашему здоровье и силу, а духу-бодрость и свежесть, – эта забава, которой тешились и наши прадеды на берегах широких и узких рек, и герой народных баллад, стрелок Робин-Гуд, в веселых, зеленых дубовых рощах Старой Англии, и много добрых людей на всем земном шаре, долго бы еще процветала в нашей родине!» [10, с. 171].

Таким образом, изучение феномена охоты на широком материале, включая документально-эпистолярные источники, дает возможность более глубокого и системного изучения историко-литературного процесса XIX века, усадебного текста русской литературы, компонентов национальной ментальности, представленных в индивидуальных художественных практиках.

Список литературы

1. Большакова А.Ю. Философско-эстетическая «охота» в мире русского слова (Пушкин, Тургенев, Л. Толстой, Аксаков) // Литературная учеба. – 2001. – № 3. – С. 170-195.
2. Жилиякова Э.М., Хохлова Н.А. Концепт охоты в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 3 (23). – 52-62.
3. Козубовская Г.П. Фет и Тургенев: поэзия и мифология литературного быта // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2004. – № 4-2. – С. 32-44.
4. Кошелев В.А. Эффект охотника в русской словесности середины XIX века // И.С. Тургенев. Новые материалы и исследования. Т. 1./ РАН Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. – С. 95-111.
5. Лебедев Ю. В. Тургенев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 608 с.
6. Одесская М.М. Русский охотничий рассказ XIX века (типология, традиции): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1991. – 24 с.
7. Переписка И. С. Тургенева. В 2 т. – Т. 1 / вступ. ст. Н. Никитиной. – М.: Художественная литература, 1986. – 607 с.
8. Полубояринова Л.Н. И.С. Тургенев и Л.фон Захер-Мазох (к феномену «охоты») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2007. – Вып. 2. – Ч. II. – С. 50-55.
9. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. URL: <http://slovar.nashol.com/tolkoviy-slovar-dalya/kukusha.html> (Дата обращения: 13.10.2013).
10. Тургенев И. С. Собрание сочинений. В 12 т. – Т. 12. – М.: Художественная литература, 1980. – С.159-173.
11. Филюшкина О.В. К вопросу о происхождении «Записок охотника» // Спасский вестник. – 2002. – № 9.
12. Штерн М.С. Усадебный текст И.С. Тургенева // Штерн М.С., Подкорытова Т.И. Культурологические аспекты анализа литературного произведения: Учебно-методическое пособие. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. – С.67-78.

Рецензенты:

Акелькина Е.А., д.ф.н., профессор, директор центра изучения творчества Ф.М. Достоевского при ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск;

Киричук Е.В., д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск.